

В глубине потайной комнаты двое совершали деяния, противоречащие человеческой морали. Тем временем, в Дворе Весенних Ароматов, супруга наследного принца Гу Хуань, накинув верхнюю одежду, долго бродила по внутреннему двору, залитому лунным светом. С тревогой в голосе она спросила:

— Есть ли хоть какие-то новости о Сяо Цзю?

Историограф Ши мягко попыталась успокоить её:

— Госпожа, ночь глубока, и воздух холоден...

Но Гу Хуань лишь горько улыбнулась, отстранив её руку:

— Перед смертью Шанли доверил мне своего единственного младшего брата. Я уже не смогла спасти его. Если с Сяо Цзю что-то случится, как я смогу встретиться с ним в загробном мире?

Историограф Ши вытерла слёзы:

— Госпожа, зачем винить себя? То, что произошло тогда, было волей Неба. Кто мы такие, чтобы судить об этом?

Гу Хуань с горечью произнесла:

— Я становлюсь всё более бесполезной.

Если бы она всё ещё была советницей наследного принца, скрывающейся за занавесями, разве она не заметила бы, что происходит столько бед? Внезапно её лицо изменилось:

— Ты сказала, что доктора Иня тоже похитили. Без Младшего гроссмейстера кто мог бы сделать это так незаметно? Но откуда в Зале Заточки Мечей взяться ещё одному Младшему гроссмейстеру?

Историограф Ши с удивлением спросила:

— Что вы имеете в виду, госпожа?

Гу Хуань закрыла глаза:

— Боюсь, что в Дворе Весенних Ароматов уже давно заложена мина. Ицзэ, не торопись и не бойся, расскажи мне, кто в последнее время вёл себя странно? Даже самое незначительное может быть важным.

Историограф Ши колебалась:

— Ланхуань из Цзюйчжай... забеременела, но отказывается назвать отца. Я подумала, что она вступила в связь с охранником.

Гу Хуань покачала головой:

— Она не такая. Ицзэ, найди предлог и немедленно приведи её ко мне.

Историограф Ши выполнила приказ, а Гу Хуань, глядя на павильоны и башни Двора Весенних

Ароматов, вздохнула. Глубокая ночь, и до рассвета оставалось всего два часа. Она беспокоилась о Сяо Шанли и Лэ Юе, не зная, где они находятся.

Между тем, Лэ Юй постепенно приходил в себя. Его ноги были широко раздвинуты, он чувствовал унижение и шок, голова раскалывалась от боли. Он мысленно повторял: «Безумие, безумие, безумие. Как это могло случиться? Кто — князь Цзинчэн — осмелился так поступить со мной?» Его пальцы царапали, губы кусали, а тело уже было полностью развращено, влажное спереди и сзади. Он не мог пошевелиться, когда Сяо Шанли раздвинул его ягодицы и начал играть с отверстием. Лэ Юй содрогнулся, сжав пальцы внутри себя, и густая сперма выплеснулась на живот Сяо Шанли в темноте.

Сяо Шанли поднял свой член, втирая его в щель, а затем с силой вошёл внутрь. Лэ Юй напряг всё тело, но его нижняя часть получила удовольствие, ощущая приятную боль и тепло, словно его сердцевина погрузилась в горячую воду. Сяо Шанли продолжал входить снова и снова, на этот раз действительно наполнив его внутренности густой спермой.

Лэ Юя перевернули на бок, подняв одну ногу, обнажив его изуродованную промежность. Длинные пальцы Сяо Шанли легко проникали внутрь, ощущая влажность и тепло. Оба были погружены в пучину страсти, и хотя Сяо Шанли знал, что под ним Лэ Юй, его разум был затуманен, и он не был уверен, действительно ли это был он. Он с силой двигался, прижимая лоб к потному плечу Лэ Юя, шепча:

— Я девятый принц Южной Чу... князь Цзинчэн Сяо Шанли. А ты... кто ты?

Лэ Юй стонал низким голосом, его горло было хриплым, но он не произносил связных слов. Член внутри него был слишком приятен, и Сяо Шанли, уже дважды кончив, не хотел снова терять контроль. Он прижал лоб к плечу Лэ Юя, его член яростно двигался внутри, затем он остановился и снова начал использовать пальцы. Тело Лэ Юя наслаждалось, но его душа была унижена. Его член был твёрдым и покрыт влагой, и когда он выскользнул из отверстия, раздался мокрый звук. Сяо Шанли в изнеможении пробормотал:

— Ты так крепко сжимаешь меня...

Звуки тела и влажных движений смешивались, и Лэ Юй уже не мог понять, что именно двигалось внутри него. Его простата была стимулирована, и он не мог избежать этого больше часа. Внутри него разбухло, и он почувствовал нарастающую волну удовольствия. Его задница была наполнена спермой и влагой, а пальцы безжалостно растягивали и исследовали его, ногти царапали чувствительные места, и его длинный член содрогнулся, полностью опустошённый.

Он чувствовал себя так, будто находился далеко от этого места и этих событий. Перед его глазами то возникала картина ночи на реке, где он держал свечу, освещая кровать, на которой спала прекрасная женщина, укрытая шёлковым одеялом; то он видел себя в беседке среди цветов, где Сяо Шанли дремал за столом, а он бросал цветы в его сторону с лёгкостью.

Он видел свои действия, улыбки Сяо Шанли, всё это было наполнено глубокими чувствами. Он спросил себя: «Это я?» Но затем услышал свой голос, говорящий: «Почему это не я?»

Ты уже в плену своих желаний, ты уже погрузился в пучину любви, но до сих пор не осознаёшь этого. Как печально и жалко. Только когда он оказался под Сяо Шанли, он понял, что уже давно покорился этой красоте. Сколько времени прошло с тех пор, как они начали, и сколько раз они кончили? Лэ Юй был покрыт потом, его губы были сухими, как уголь, и Сяо Шанли мог лишь смачивать их своей слюной. Видения и звуки переплелись, это была настоящая любовная драма, полная страсти и безумия. Каждое объятие казалось вечностью, достойной смерти. Рассвет уже приближался, но в потайной комнате всё ещё было темно.

Лэ Юй почувствовал холодную гладкую стену за спиной. Он постепенно начинал двигаться, действие яда ослабевало, его задница была наполнена густой спермой, которая становилась всё жиже. Его кишечник был растянут и болтался, но Сяо Шанли всё ещё не отпускал его, словно не заботясь о жизни и смерти. Лэ Юй знал, что больше не может продолжать, и решил закончить всё быстро. Собрал силы, он оттолкнул Сяо Шанли и, покрытый потом, сел на него.

Его задница, впервые испытывая такое, была уже полностью развращена, его спина была напряжена, как тетива лука. Он сидел на Сяо Шанли, его опухшее и влажное отверстие обхватывало твёрдый член, он двигался вверх и вниз, прижимаясь так сильно, что кожа на внутренней стороне бёдер касалась живота Сяо Шанли. Сяо Шанли стонал:

— Нет! Отпусти меня...

Но уже через несколько движений он кончил и, потеряв сознание, упал.

Лэ Юй, ноги его дрожали, он всё ещё сидел на нём, держа его запястье, чтобы проверить пульс. Через некоторое время член, всё ещё находившийся внутри него, стал мягким, но он всё ещё сжимал его. Он поднял бёдра, позволив мягкому члену выскользнуть, но его задница почувствовала пустоту, и дрожь пробежала по телу, когда отверстие сжалось, не позволяя сперме вытечь.

Он внезапно почувствовал отвращение к себе, его член был наполовину твёрдым, но он не стал мастурбировать, ожидая, пока он сам успокоится. Прошло около получаса, когда он услышал шаги за пределами комнаты. Он резко поднял голову, медленно встал, накинул одежду и увидел, как каменная дверь приоткрылась, и яркий свет ударил в глаза. Вошёл человек с фонарём.

Гу Хуань допрашивала Ланхуань, беременную служанку, которую ранее осматривал доктор Инь. Ланхуань, бледная, но спокойная, поклонилась, говоря, что не вступала в связь ни с кем, но однажды утром проснулась с болью и обнаружила кровь, а через месяц поняла, что беременна. Она знала, что её, скорее всего, изнасиловали, но, несмотря на расследования, в ту ночь никто из охранников не отсутствовал. Она была женщиной, которая предпочла бы смерть позору, но решила оставить ребёнка, чтобы однажды найти обидчика и отомстить.

Гу Хуань расспрашивала её о повседневных делах, о друзьях, кто знал о её беременности, кроме доктора Иня, и кто мог интересоваться этим. После двадцати вопросов она отпустила её и вызвала пятерых сильных охранников, которые задержали служанку Юнь Янь, раздели её и обнаружили, что она была исчезнувшим пять лет назад преступником из Северной Хань, полумужчиной-полуженщиной, который привык притворяться женщиной, чтобы соблазнять

жён и наложниц. Однажды его поймали в Зале Заточки Мечей, и он был вынужден подчиняться, приняв яд. После получаса пыток Юнь Янь всё рассказал, указав, куда он увёл Сяо Шанли.

Гу Хуань, несмотря на истощение, знала, что только она может это сделать, и, преодолевая себя, отправилась в Сад Гэнъе. На рассвете, когда небо было цвета рыбьего брюха, она приказала историографу Ши и своим доверенным лицам ждать снаружи, а сама с фонарём спустилась в подземный ход.

<http://bllate.org/book/15272/1348086>